

Старик Чу извергал проклятия, но Чу Нянь не пропускал мимо ушей ни единого слова. Будь на его месте прежний владелец тела, он бы уже наверняка дрожал от страха, готовый встать на колени и молить о пощаде.

Однако эти угрозы не могли запугать нового Чу Няня. В конечном счете, всё сводилось к одному: его собирались избить до полусмерти, заставить покорно склонить голову и признать свою вину, а затем добровольно выдать замуж в деревушку семьи Чжан, чтобы клан Чу мог крепко удержат в руках свои восемь лян серебра.

Такая жадность до восьми лян серебра — они что, совсем с голоду с ума сошли? В семье столько людей, столько рабочих рук! Если бы каждый прикладывал хоть немного усилий, они заработали бы не то что восемь — восемьдесят лян.

Взглянув на собравшихся вокруг зевак, которые только и ждали повода потешиться, он видел лишь бездельников, привыкших плутовать и лениться. В доме, где под одной крышей жили четыре поколения — более двадцати человек, — едва ли наберется хоть пара надежных работников.

Особенно его «радовали» внуки, которыми так гордились старики: все старше Чу Няня, все — любимчики семьи, но ни один не годился в подметки самому Чу Няню. Учеба им не давалась, на полях они ничего путного вырастить не могли, а ремеслам обучались спустя рукава. Когда приходило время отдавать заработанное на нужды семьи, в их карманах было пусто, как в голодном желудке.

Старику Чу, несмотря на возраст, приходилось вместе с сыновьями надрываться на полях, чтобы прокормить ораву нахлебников, а выходя из дома — кривить душой и расхваливать внуков, утверждая, что те — гордость клана Чу и что предки благословили их род.

Ха! Подумать только: из последних сил поддерживают фальшивый фасад, а на обед рассчитывают лишь ценой несчастья собственного сородича. Сколько бы благодетели ни накопили предки клана Чу, этот старик спустит всё в трубу.

По правде говоря, старик Чу грозен только дома. Пусть болтает что хочет — лишь бы это не мешало Чу Няню поесть.

Заметив, с каким аппетитом и бодростью духа Чу Нянь уплетал еду, Чу Дамэй, до этого молчавшая, что-то поняла и поспешила прошептать что-то на ухо старухе.

Они говорили довольно громко: сокрушались, что зря потратились на то «сильное снадобье», иначе этот паршивец не смог бы сейчас так нагло прыгать перед ними.

Чу Нянь невольно скривил губы. Тогда он вовсе не хотел его принимать, но Чу Дамэй не оставила ему выбора. А теперь жалеют? Поздно, голубчики.

К слову, своей нынешней бодростью он действительно был обязан тому самому лекарству. Одна таблетка — и эффект проявился мгновенно. Сейчас он не только чувствовал прилив сил, но и раны почти не болели. Уже по одному этому можно было судить: Чу Дамэй не обманули, лекарство было настоящим.

Раз уж эффект оказался таким впечатляющим, было бы преступлением перед столь ценным снадобьем не воспользоваться силами по назначению — в первую очередь, чтобы набить желудок.

Зная, что времени на трапезу мало, Чу Нянь принялся поглощать еду с жадностью, напрочь забыв о манерах, приличиях и внешнем виде. Его ничуть не заботили насмешливые и полные отвращения взгляды окружающих. Кто знает, встретятся ли они после этой ночи, а если и встретятся — он будет смотреть на них как на совершенно чужих людей.

Раз уж прежний хозяин тела уже покинул этот мир, ему, пришельцу, и подавно не о чем было сожалеть.

Ик!

Увидев, что миска опустела, Чу Нянь не сдержал сытой отрыжки. Впервые в этом странном мире он наелся досыта.

Он еще не успел поставить миску, как из коровника, наконец, вернулся Чу Дацин. Однако в руках у него не было привычной плетки — ее заменил толстый, с руку толщиной, полено из очага.

Собравшиеся, ожидавшие расправы, опешили: ходил так долго, а принес лишь дрова, которые сломаются от первого же удара? Неужели он решил покрывать своего сородича?

Но как Чу Дацину было признаться, что с поленом он выглядит не так грозно? Он битый час обыскивал коровник, но плетку так и не нашел. А ведь он точно помнил, что днем, после того как отходил ею Чу Сысы, положил ее на место! Ничего не оставалось, как принести первое, что попало на глаза в кухне. В конце концов, чтобы усмирить беспомощного мальчишку, хватит и палки.

Из-за этой заминки он упустил момент, и паршивец успел поесть. Все члены семьи безмолвно смотрели на него, как на зачинщика, не решаясь вмешаться, — словно оставляли ему право наказать непокорного сына самому, сохраняя его авторитет.

Если он сейчас не проявит твердость, в этой семье ему больше не видать уважения.

— Ах ты, паршивец! Живо на колени, будешь наказан! — рявкнул он, закатывая рукава. Его лицо потемнело сильнее, чем кусок дерева в руке, и он разъяренно бросился на Чу Няня.

Чу Нянь не только не испугался, но на глазах у изумленной толпы вдруг схватил тяжелую глиняную миску и швырнул ее прямо под ноги Чу Дацину. Раздался оглушительный звон — миска разлетелась вдребезги, заставив нападавшего резко остановиться.

— Кого ты там паршивцем назвал? — холодно глядя на Чу Дацина, спросил Чу Нянь. Кто это тут решил строить из себя главу семьи? Простите, прежний хозяин тела привык к побоям, но он — нет.

Перед тем как выйти сюда, первым делом он сходил в коровник и выбросил плетку прямо в очаг. Он уже получил свою порцию ударов, неужели он позволит им снова взяться за ту дрянь? А палка — что ж, она ему не страшна.

Чу Дацин, опешив от такого приема, по инерции рывкнул:

— Тебя и назвал!

Уловив чьи-то вздохи в толпе, он спохватился, но было поздно. Его охватила ярость:

— Чу Сысы! Да как ты смеешь хамить отцу?!

Чу Нянь невинно округлил глаза:

— Странные вещи говоришь. Если я — паршивец, то ты — кто? Тогда дед — старый паршивец? Если следовать твоей логике, здесь собралась целая стая паршивцев. Я лишь ответил на твое утверждение, с чего вдруг я тебя оскорбил?

У Чу Дацина глаза полезли на лоб. Вот же мерзавец! Так ловко перевернул слова, что оскорбил всю семью разом.

— Ты... ты... — задохнулся он от ярости. — Да я тебя убью!

Он стиснул зубы. Поняв, что спорить бесполезно, он решил, что побои — единственный способ выпустить пар. Не говоря ни слова, он замахнулся и ударил палкой прямо по голове, намереваясь покончить с непокорным сыном на месте.

Если бы здесь был прежний Чу Нянь, его бы наверняка прибили насмерть. Но внутри был совсем другой человек, к тому же принявший то самое снадобье — его тело было полно сил, и он чувствовал невероятный подъем.

В тот момент, когда палка опустилась, он перехватил ее на лету. Толпа ахнула — тот, кто всегда был покорной жертвой, вдруг посмел сопротивляться.

Отец и сын замерли в напряжении.

Видя, что Чу Дацин, не желая признавать поражение, пытается задавить его грубой силой, Чу

Нянь приподнял бровь и с доброжелательной усмешкой посоветовал:

— Советую подумать о последствиях. Я уже однажды умирал, мне терять нечего. А вам? Если убьете меня, останетесь ни с чем: и человека не будет, и денег не видать. Как будете оправдываться перед семьей Сун и семьей Чжан? Восемь лян серебра уже наверняка потратили — остатки разве что на похороны пойдут. Мне-то все равно, но уступят ли семьи Сун и Чжан, если не получат свое? Да и что станет с репутацией клана Чу?

С каждым его словом лицо Чу Дацина становилось всё мрачнее, а слова попадали точно в цель, задевая за живое.

— Мерзавец! Ты совсем страх потерял? Нянь-гэр, ты всегда был таким послушным, неужели ты решил, что сегодня можешь просто так уйти из дома? — старик Чу вскочил с места, пронзительно глядя на него.

Раз уж разговор зашел так далеко, Чу Нянь решил больше не прятаться. Он слегка улыбнулся старику и прямо ответил:

— Дедушка, вы проницательны. Сысы именно это и имеет в виду.

Он выпрямился, и его голос прозвучал твердо и решительно:

— Сегодня я объявляю: я разрываю все связи с кланом Чу!

<http://bllate.org/book/22371/2346369>